

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

© 2022 г. С. Ю. Кораблева

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: sukorableva@gmail.com

Поступила в редакцию 29.11.2020 г.

Аннотация. Международный уголовный суд, основы функционирования которого сформулированы в Римском статуте, создавался по стандартам уголовного правосудия. Изучение опыта его деятельности и сопоставление с проблемами, существующими в национальных юрисдикциях, позволяют выявить как пределы справедливости при уголовном преследовании, так и возможности по его совершенствованию. Автором демонстрируется, что стремление к качественному исследованию доказательств ведет к увеличению длительности судебных процедур и неизбежному возникновению «упрощенных» схем вынесения приговора, причем последние оказываются востребованы именно обвиняемыми. На основе анализа приговоров, вынесенных Международным уголовным судом, доказываем, что осторожный подход Суда к карательным полномочиям – это хотя и не бесспорный, но достойный исследования опыт, поскольку достижение главных целей наказания не находится в прямой зависимости от жесткости уголовной репрессии. В то же время работа с потерпевшими в контексте психологической и материальной поддержки, активно развиваемая в рамках международной уголовной юстиции, – вероятно, ключевое направление для совершенствования правосудия. Этот аспект недостаточно выражен в национальных судебных системах, обычно сосредоточенных на возмездии.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский статут, справедливость правосудия, эффективность наказания, возмещение ущерба жертвам преступлений.

Цитирование: Кораблева С. Ю. Справедливость правосудия: опыт Международного уголовного суда и его значение для развития национальных систем уголовной юстиции // Государство и право. 2022. № 4. С. 135–142.

DOI: 10.31857/S102694520012321-4

JUSTICE: EXPERIENCE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND ITS IMPORTANCE FOR THE DEVELOPMENT OF NATIONAL CRIMINAL JUSTICE SYSTEMS

© 2022 S. Yu. Korableva

Moscow State Linguistic University

E-mail: sukorableva@gmail.com

Received 29.11.2020

Abstract. The International Criminal Court, the foundations of which are formulated in the Rome Statute, was created according to the standards of criminal justice. The study of the experience of its activities and comparison with the problems existing in national jurisdictions make it possible to identify both the limits of justice in criminal prosecution and the possibilities for its improvement. The author demonstrates that the desire for a qualitative study of evidence leads to an increase in the duration of judicial procedures and the inevitable emergence of “simplified” sentencing schemes, and the latter are in demand by the accused. Based on the analysis of sentences handed down by the International Criminal Court, it is proved that the Court’s

cautious approach to punitive powers is, although not indisputable, but an experience worthy of research, since the achievement of the main goals of punishment is not directly dependent on the severity of criminal repression. At the same time, work with victims in the context of psychological and material support, actively developed within the framework of International criminal justice, is probably, a key direction for improving justice. This aspect is not sufficiently expressed in national judicial systems, usually focused on retribution.

Key words: International Criminal Court, the Rome Statute, justice, efficiency penalties, restitution for victims.

For citation: Korableva, S. Yu. (2022). Justice: experience of the International Criminal Court and its importance for the development of national criminal justice systems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 135–142.

Особенности статуса и дел, подсудных Международному уголовному суду, определяют специфические проблемы, с которыми он сталкивается в своей деятельности. Речь идет о разграничении уголовного международного и национального правосудия, о непризнании юрисдикции Суда рядом государств, о проблемах исполнения выданных им ордеров на арест, об особенностях индивидуальной ответственности политических руководителей, о зависимости от Совета Безопасности ООН и т.д.¹ Но существуют вопросы деятельности МУС, имеющие существенное значение для любой системы уголовного правосудия. И российский термин «правосудие», и английский «justice» определяются в т.ч. как справедливое решение спора². Высокая цель достижения справедливости является краеугольным камнем концепций преступления и наказания: «Уголовный закон и уголовное правосудие не могут выполнять своего назначения как регуляторов общественных отношений и результативных средств противодействия преступлениям, если они не пронизаны идеей справедливости, воплотившей в себе передовую человеческую мораль и верность (соответствие) истине»³. Классическое определение справедливости выражается одной фразой — *suum cuique* (всякому свое или каждому по его заслугам). На этом древнем постулате основывается

вся система права и, как показывает опыт, именно он обеспечивает ее устойчивость⁴. Несмотря на сложности, связанные с различным пониманием справедливости⁵, в целом как стандарт правосудия она ассоциируется с надлежащим доказыванием вины подозреваемого в совершении преступления (т.е. с соблюдением его прав, в т.ч. права на защиту, на быстрое разрешение дела и т.д.), с назначением ему соответствующего наказания и с реализацией права на возмещение вреда потерпевшему от преступления. Создание нового органа на основе Статута, который «устанавливает подлинную международную систему уголовной юстиции»⁶, отчетливо высветило проблемы справедливости правосудия, менее заметные в национальных судах в силу рутинности их процедур.

Международным уголовным судом вынесены приговоры девяти лицам: пятеро были осуждены за военные преступления и (или) преступления против человечности (один впоследствии оправдан); еще четверо — адвокаты Жан-Пьера Бемба Гомбо, т.е. специфичные для МУС осужденные, признанные виновными в преступлениях против

⁴ См.: Kirk R. The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/poverty-and-inequality/report/the-meaning-justice> (дата обращения: 27.11.2020).

⁵ В ст. 6 УК РФ указывается, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Конституционный Суд РФ, упоминая в своих определениях справедливость, ассоциировал ее с четкими определениями преступления и наказания (Определение от 06.10.2015 г. № 2444-О), обоснованностью приговора и следованием нормам права (Определение от 25.01.2005 г. № 42-О) и даже с независимостью и беспристрастностью судей (Определение от 11.04.2019 г. № 855-О). В Римском статуте справедливость (*fair*) упоминается достаточно часто (ст. 36, 55, 64, 67 и т.д.), однако значение этого термина не раскрывается. В современной научной литературе справедливость в зависимости от контекста ассоциируется с соблюдением прав человека, с точным следованием принципам равенства и законности, с выявлением истинного смысла закона, с восстановительным правосудием и т.д.

⁶ Международный уголовный суд // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/law/icc/qa.shtml> (дата обращения: 28.04.2020).

¹ См., напр.: Букуру Ж.-Б., Солнцев А. М. Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 332–339; Кибальник А. Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Там же. С. 300–310; Shamsi N. The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85–104; Mutua M. The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269–272.

² См., напр.: Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23270>; Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/justice> (дата обращения: 27.11.2020).

³ Сидоров Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189.

отправления правосудия. Если на основании имеющихся приговоров проанализировать такие параметры деятельности Международного уголовного суда, как инкриминируемые осужденным преступления, сроки содержания под стражей, назначенные наказания и места их последующего отбытия, то можно утверждать, что в этом отношении существуют следующие особенности:

чрезвычайно длительные сроки содержания под стражей (Томас Лубанга Дыло – чуть менее 7 лет, а Жермен Катанга – чуть менее 8 лет; Жан-Пьер Бемба Гомбо – около 10 лет; Боско Нтаганда – чуть более 6 лет; Ахмад аль-Махди аль-Факи – около года, притом что он сразу же признался и раскаялся в совершении инкриминируемых преступлений);

небольшие по меркам международных трибуналов или большинства национальных судов итоговые сроки лишения свободы лицам, занимающим высокие должности в иерархии организаций, причастных к случаям массового насилия (Томас Лубанга Дыло приговорен к 14 годам лишения свободы; Жермен Катанга – к 12 годам (после апелляции приговор был немного смягчен); Жан-Пьер Бемба Гомбо – к 18 годам (впоследствии оправдан); Боско Нтаганда – к 30 годам; Ахмад аль-Махди аль-Факи – к 9 годам лишения свободы. В Российской Федерации, например, 10–15 лет лишения свободы назначается за организацию банды из нескольких человек и совершение нескольких разбойных нападений без причинения смерти, хотя это куда менее опасные преступления, чем создание небольшой личной армии, целенаправленно занимающейся убийствами и мародерством);

создание специального фонда и акцентирование внимания на компенсациях жертвам преступлений вплоть до интеграции в уголовную систему специфичных процедур возмещения ущерба, например, строительства памятных сооружений или жилья.

На наш взгляд, все вышеперечисленные особенности связаны с вполне понятным желанием создать справедливый орган уголовной юстиции, доведя до совершенства имеющейся в этой области опыт как отдельных государств, так и международного сообщества⁷. И поэтому они отчетливо демонстрируют пределы справедливости, которые возможны при использовании традиционных подходов к пониманию преступления, его расследованию и назначению наказания.

Так, например, в Римском статуте МУС признается целый ряд прав подозреваемых и обвиняемых (ст. 55, 67), а также строгие процедуры, с тем чтобы защитить невиновных физических лиц от

необоснованного или политически мотивированного уголовного расследования. Стремление к максимальной справедливости процесса и убедительных доказательств вполне ожидаемо привело к усложнению процедур уголовного преследования. В свою очередь, это стало причиной их значительной длительности. Безусловно, расследование случаев массового насилия требует большого количества времени. Так, в *The Prosecutor v. Bosco Ntaganda* Судебная палата исследовала 1791 предмет в качестве доказательств и более 1400 страниц письменных замечаний от сторон и законных представителей потерпевших, а в *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo* – 733 вещественных доказательства, в т.ч. 3724 страницы документов, а также заслушала 77 свидетелей. Но на время уголовного расследования даже не заключенное под стражу лицо теряет ряд своих прав и не может продолжать обычную жизнь, а заключенный под стражу, по сути, оказывается наказан еще до признания его виновным.

Аналогичные проблемы существуют и в национальных системах уголовной юстиции. Сроки предварительного и судебного расследования там меньше, зато актуальна частота обращения граждан к упрощенным процедурам уголовного правосудия. Так, в США в последние годы более 97% дел рассматриваются в рамках соглашения о признании вины⁸, несмотря на имидж американских судов как оплота справедливости и максимальной реализации принципа состязательности. Аналогичное положение дел имеет место и в Российской Федерации, где в первом полугодии 2019 г. в отношении более 58% лиц был вынесен судебный акт в рамках особого производства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, притом, что наказание таким осужденным фактически не смягчается⁹. Это интересный феномен, когда попытка соответствовать высочайшим стандартам защиты прав лица, обвиняемого в совершении преступления, ведет в конечном счете к возникновению и развитию предельно прагматичных процедур, далеких от реализации принципов уголовного

⁸ См.: Sourcebook of Federal Sentencing Statistics, 2018. United States Sentencing Commission. URL: <https://www.usc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/annual-reports-and-sourcebooks/2018/Figure05.pdf> (дата обращения: 10.04.2020). Аналогичные показатели имели место и в предыдущие годы (см.: The Trial Penalty: The Sixth Amendment Right to Trial on the Verge of Extinction and How to Save It. P. 18 // The National Association of Criminal Defense Lawyers. URL: <https://www.nacdl.org/getattachment/95b7f0f5-90df-4f9f-9115-520b3f58036a/the-trial-penalty-the-sixth-amendment-right-to-trial-on-the-verge-of-extinction-and-how-to-save-it.pdf> (дата обращения: 10.04.2020)).

⁹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1-е полугодие 2019 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <https://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.03.2020).

⁷ См.: Schabas W. An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.

правосудия. Все вышесказанное ни в коем случае не должно трактоваться как призыв к отказу от состязательности, игнорированию справедливости и некачественному исследованию представленных доказательств в судах. Речь идет о том, что защита прав обвиняемых не может сочетаться с лицемерным пренебрежением фактом их уязвимо положения на время расследования преступления. Следовательно, стандарты прав человека предполагают не только усложнение процедур доказывания, но и применение новых способов контроля за подозреваемым (обвиняемым) с тем, чтобы, с одной стороны, временные, репутационные и финансовые издержки его были не столь значительны, а с другой — чтобы была исключена возможность совершения им нового преступления или побега.

Интересно, что развитие технологий, например, в криминалистике намного опережает развитие технических устройств контроля за подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными. Представляется, что это связано не столько с их технической сложностью или страхом перед репрессивной цифровой продукцией, сколько с направленностью уголовного процесса на раскрытие дела, а не на защиту прав лица, вероятно совершившего преступление. Громкие заявления о том, что «все обвиняемые считаются невиновными, пока их вина не будет доказана вне всякого разумного сомнения в Суде»¹⁰, отнесенные длительными сроками заключения под стражу, наглядно демонстрируют, что даже созданный по стандартам орган уголовного правосудия имеет своей целью именно расследование преступлений. А сопутствующий этому ущерб правам человека рассматривается как незначительный и необходимый вред. В этом отношении опыт МУС сложно признать прогрессивным или достойным заимствования. Скорее это наглядная демонстрация того, насколько уязвимыми являются права человека, подозреваемого в совершении преступления, в контексте общественного интереса.

По-другому обстоят дела, когда речь касается назначения Судом наказания за совершенные преступления. МУС не наделен правом выносить смертные приговоры, что соответствует понятию гуманизма, и может назначить наказание только в виде лишения свободы на срок до 30 лет или пожизненное заключение, а также дополнительные наказания в виде штрафа или конфискации доходов, имущества и активов (ст. 77 Статута). В Преамбуле Римского статута МУС определены следующие цели привлечения виновных к уголовной ответственности: «Положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем

самым способствовать предупреждению подобных преступлений»¹¹. Это соответствует стандартной для большинства национальных систем уголовного правосудия цели наказания, а именно превенции (сдерживания) посредством применения к лицу мер государственного принуждения (кары).

Деятельность МУС демонстрирует, насколько сложно достижимыми и противоречащими друг другу являются обе эти цели. В Преамбуле Римского статута заявляется о важности не оставлять безнаказанными самые тяжкие преступления, поскольку это способствует их предотвращению. Кара и превенция одновременно — это идеальные цели наказания, но, вероятно, совсем не то, что в реальности может быть достигнуто¹². Более того, представляется, что страх перед наказанием может стать фактором совершения новых преступлений. Например, в практике встречаются случаи, когда в попытке избежать наказания за одно преступление, например, за кражу, лицо совершает другое — более тяжкое, например, убийство. А в недавнем исследовании корреляции между уровнем репрессий в государстве и возможностью наказания его лидера Международным уголовным судом и вовсе утверждается, что чем выше вероятность привлечения диктатора к уголовной ответственности за совершенные ранее преступления, тем выше шанс скатывания государства к насилию и зверствам в отношении граждан¹³.

Безусловно, осуждение, например, Томаса Лубанга Дыло, Жермен Катанги и Боско Нтаганды коррелирует с уменьшением интенсивности насилия в Итури, провинции ДРК, где они действовали. Но взаимосвязь здесь достаточно сложная¹⁴. Скорее, наоборот, интенсивное вмешательство международного сообщества в 2003—2006 гг. в целях сдерживания насилия позволило привлечь к ответственности ряд лиц как на уровне международного правосудия, так и внутри самого ДРК.

¹¹ Римский статут Международного уголовного суда (2002) 2187 UNTS90 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 28.04.2020).

¹² См.: Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 252, 253.

¹³ См.: Larcom S., Sarr M., Willems T. What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: <https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁴ Исследования показывают, что деятельность МУС действительно имеет сдерживающий эффект для случаев массового насилия, однако обуславливается он целым рядом факторов, а не только привлечением лиц к уголовной ответственности (см.: Jo H., Simmons B. Can the International Criminal Court Deter Atrocities? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443—475).

¹⁰ Международный уголовный суд // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/law/icc/qa.shtml> (дата обращения: 28.04.2020).

Активизация конфликта с декабря 2017 г. и его спорадические обострения в предшествующие годы однозначно свидетельствуют о том, что уголовное правосудие не предотвратило последующие случаи массового насилия. В лучшем случае речь шла о его уменьшении и скорее в контексте предельно осторожного вмешательства внешних сил (следует отметить, что часто такое вмешательство лишь провоцирует новое насилие в связи с чем в Преамбуле Римского статута специально подчеркивается, что «ничто в настоящем Статуте не должно восприниматься как дающее какому-либо государству-участнику право вмешиваться в вооруженный конфликт или во внутренние дела любого государства»¹⁵).

Справедливое стремление жестоко покарать лиц, участвующих в массовом насилии, имеет еще одно негативное последствие. Уместно вспомнить о таких известных заключенных, как Андерс Бейринг Брейвик и Роберт Модсли. Один был осужден в 2012 г., другой — в первый раз в 1974 г. (первое осуждение Модсли, впоследствии он совершил ряд убийств уже в местах лишения свободы). Оба считают свои условия лишения свободы бесчеловечными. В отношении Брейвика с этим сложно согласиться, т.к. срок его нахождения в местах лишения свободы пока не так долог, преступление совершено относительно недавно, а шок от его жестокости у общества все еще не прошел. Соответственно, большинство людей выражают мысль о необходимости причинения Брейвику больших мучений в рамках наказания. Модсли же сидит в подвальном помещении-клетке уже 27 лет, а всего провел в местах лишения свободы 37 лет. И ровно наоборот, в последние годы все чаще раздаются призывы к проявлению гуманизма хотя бы в последние годы его жизни, а также имеет место попытка объяснить совершение им преступлений недостатками системы социальной помощи (документальный сериал о нем был назван созвучно этой идее «Создавая монстра»). На основании этого примера можно приветствовать осторожный подход МУС к большим срокам лишения свободы — кажущиеся справедливыми ныне, они могут оказаться проблемой в будущем. В то же время решения о небольших сроках наказания снижают ощущение справедливости, когда речь идет о причастности лица к тяжким преступлениям. Поэтому вероятно в международном уголовном правосудии разумнее было бы использовать достаточно развитую и хорошо зарекомендовавшую себя систему помилования или периодического пересмотра срока наказания.

Аналогичные, хотя и менее выраженные проблемы достижения целей наказания, встают

и перед большинством национальных уголовных судов. Строгость наказания неоднозначно коррелирует с показателями преступности¹⁶. Более того, само по себе привлечение к уголовной ответственности не может полностью устранить преступность и даже значимо уменьшить количество преступлений¹⁷. Наказание является скорее итоговой и неотъемлемой частью предупреждения и расследования преступлений, иначе и первое, и тем более второе теряет свой смысл. Но вместе с этим любое из используемых наказаний — это дорогостоящее, требующее больших ресурсов, включающее значительную коррупционную составляющую или связанное с рядом организационных проблем действие, часто само по себе порождающее преступность (например, насилие в местах лишения свободы). Участвующие в разработке Римского статута ученые-юристы также не смогли предложить оптимального решения, оставив в арсенале МУС лишь традиционный и, пожалуй, самый проблемный и дорогой для исполнения вид наказания — длительное лишение свободы.

Нельзя не отметить, что на практике Суд редко использует свои карательные полномочия, часто предпочитая ограничиваться лишь самим фактом расследования дела и сопутствующими заявлениями, т.к. не может игнорировать болезненные политические последствия своих решений¹⁸. Зато уделяется много внимания формированию системы помощи жертвам преступлений. Вероятно, именно этот опыт следует изучить национальным системам. Можно утверждать, что расследование и последующее порицание во многих случаях достаточны для достижения целей уголовного правосудия, а строгое наказание лишь создает дополнительную проблему последующей ресоциализации. Например, если речь идет о врачебных ошибках, преступлениях несовершеннолетних, неосторожных преступлениях, преступлениях *malum prohibitum* и т.д. Перенесение акцента с наказания осужденного на необходимость восстановления социальной справедливости путем возмещения ущерба, на наш взгляд, положительно скажется на системе уголовного правосудия. Согласно результатам опроса, большинство людей (78%) считают, что в случае полного возмещения вреда, причиненного преступным деянием, лицо, совершившее это деяние, целесообразно не наказывать. А вот освобождение

¹⁶ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1939.

¹⁷ См.: Миняева Т.Ф., Добряков Д.А. Наказание — не панацея от преступности // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 425. С. 223, 225.

¹⁸ См.: Roach S. How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.

¹⁵ Римский статут Международного уголовного суда (2002) 2187 UNTS90.

от наказания лиц вне зависимости от позитивного посткриминального поведения вызывает у людей чувство острой несправедливости¹⁹.

В большинстве национальных систем правосудия есть процедуры компенсаций для потерпевших, но они рассматриваются как вторичные по отношению к праву представления своей позиции. В Международном уголовном суде система возмещения ущерба жертвам массового насилия считается ключевой для выполнения миссии суда²⁰. Возможность возмещения ущерба и Целевой фонд, учрежденный в интересах жертв и их семей, предусмотрены ст. 75, 79 Римского статута. В настоящее время присуждено возмещение потерпевшим от преступлений трех осужденных – Томаса Лубанга Дыло, Жермена Катанги, Ахмада аль-Махди аль-Факи, а по делу осужденного Боско Нтаганды ожидается открытие процедур возмещения. Репарации в Международном уголовном суде имеют ряд особенностей. Так, по делу Жермена Катанги потерпевшим были присуждены как символическая компенсация (250 долл.), так и коллективное возмещение в виде расходов на строительство жилья, на получение образования и профессиональных компетенций, а также на психологическую помощь. В связи с плохим материальным положением осужденного для этих целей было предложено использовать ресурсы Целевого фонда. Аналогичные процедуры имели место и в отношении остальных репатриаций, в том смысле, что акцент делался на реабилитацию и материальную поддержку жертвам.

Эффективность подобного подхода еще предстоит оценить (работа в связи с назначенными Судом мерами поддержки была начата лишь в 2017 г.), однако на Целевой фонд возлагаются большие надежды. Это представляется обоснованным, т.к. современные концепции предупреждения преступлений однозначно свидетельствуют о наличии прямой пропорциональности между количеством преступлений и такими неблагоприятными факторами, как насилие в семье, бедность, отсутствие доступного образования и т.д. В этом отношении случаи массового насилия являются самовопроизводящимися преступлениями, которые могут быть остановлены лишь психологической, физической и материальной поддержкой лиц, оказавшихся вовлеченными в них.

Опыт Международного уголовного суда по материальной и психологической поддержке жертв

¹⁹ См.: *Смирнов А.М.* Уголовно-правовая безнаказанность преступного деяния: к постановке проблемы // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2018. № 2 (44). С. 55, 56.

²⁰ См.: *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, 'Corrigendum of Decision on the Prosecutor's Application for a Warrant of Arrest, article 58'. ICC-01/04-01/06. Pre-Trial Chamber I. 10 February 2006. P. 150.*

преступлений как способе превенции может быть интересен и для национальных юрисдикций. Дело в том, что преступления часто взаимосвязаны. Иногда эта взаимосвязь прослеживается – известно, что домашнее насилие способствует возникновению криминогенной конфликтной ситуации, провоцирует у его участников девиантное сексуальное поведение, алкоголизм, наркоманию и т.д.²¹ Иногда корреляция статистически не может быть выявлена, например, если потеря денег из-за мошенничества приводит к тому, что мать с малолетней дочерью переселяется в дом к неблагополучным родственникам, где ребенок подвергается сексуальному насилию. Работа с потерпевшими может стать способом предотвращения новых преступлений. Можно также предположить, что в ряде случаев, например, при изнасиловании, возмездие само по себе, без помощи и реабилитации, может быть недостаточным мотивом для жертвы, чтобы участвовать в следственных действиях, особенно, если преступник является родственником или знакомым²². Подобное поведение потерпевших порождает ощущение безнаказанности – главного врага превенции.

Исследования показывают, что восприятие потерпевшими того, как для них проходит соприкосновение с системой уголовного правосудия, меняется в зависимости от признания обществом того факта, что они пострадали как личности и стали жертвой несправедливости. Само по себе участие в разбирательстве и даже воздаяние лицу за преступления, по-видимому, лишь усиливает недовольство потерпевших – они чаще говорят о своей ненависти, клеймят виновных и заявляют о допущенной несправедливости. Наоборот, потерпевшие, получившие поддержку от своего непосредственного окружения, даже не участвующие в процессе, характеризуют свой опыт как положительный²³. Несмотря на это, работа с потерпевшими от преступлений в контексте психологической и материальной поддержки – это аспект, который часто недостаточно выражен в национальных судебных системах, сосредоточенных на возмездии. А поскольку система уголовного правосудия, не обеспечивающая интересы потерпевших, в целом воспринимается всеми как несправедливая, то восстановительное правосудие – важное, а вероятно, даже ключевое направление развития уголовного

²¹ См.: *Елфимова Е.И.* Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // *Legal Concept.* 2013. № 2. С. 156, 157.

²² См.: *Гусарова М.В.* Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // *Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России.* 2019. № 4 (38). С. 445.

²³ См.: *Раушенбах М., Скалиа Д.* Потерпевшие и международная уголовная юстиция: большой вопрос? // *Международный журнал Красного Креста.* 2008. № 870. С. 333–336.

правосудия. Оно помогает эффективно решать основные задачи наказания — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений. Поэтому опыт и результаты деятельности Международного уголовного суда в этом направлении интересны и достойны заимствования. Особенно в свете того, что у национального правосудия есть больше возможностей для привлечения осужденных к заглаживанию причиненного вреда — от материальных компенсаций и оказания непосредственной помощи потерпевшим до извинений и внесения взносов в благотворительные фонды, помогающие жертвам совершенного преступления.

* * *

На основании вышеизложенного можно сформулировать несколько выводов.

Деятельность Международного уголовного суда демонстрирует пределы справедливости, которые возможны при использовании традиционных, характерных для национальных систем уголовной юстиции подходов к пониманию преступления, его расследованию и назначению наказания.

Во-первых, это касается сложности поиска баланса интересов правосудия и прав человека. Для МУС характерны длительные сроки содержания под стражей, которые наглядно демонстрируют, что даже созданный по стандартам орган уголовного правосудия имеет своей целью именно расследование преступлений. А сопутствующий этому ущерб правам человека рассматривается как незначительный и необходимый вред. В свете этого становится понятным феномен того, почему лица, подозреваемые в совершении преступлений, часто предпочитают предельно прагматичные процедуры признания вины и особого производства, предоставленные национальными судами, вместо того, чтобы отстаивать свои права в длительном состязательном процессе. Это свидетельствует о том, что право на защиту становится эфемерным, если оно сопряжено с лишением обвиняемого других базовых прав.

Во-вторых, сложным вопросом является возможность достижения главных целей наказания — кары и превенции. Деятельность МУС демонстрирует, насколько эти цели сложно достижимы и противоречат друг другу. Наказание есть скорее итоговая и неотъемлемая часть предупреждения и расследования преступлений, иначе и первое, и тем более, второе теряет свой смысл. При этом исполнение наказания — это деятельность, сопряженная с рядом трудностей и рисков. В этом отношении осторожный подход МУС к карательным полномочиям — это хотя и не бесспорный, но достойный изучения опыт. Можно утверждать, что

расследование и последующее порицание во многих случаях достаточны для достижения целей уголовного правосудия.

В-третьих, можно приветствовать внимание МУС к формированию системы помощи жертвам преступлений. В большинстве национальных систем правосудия процедуры компенсаций для потерпевших рассматриваются как вторичные по отношению к праву представления своей позиции. Это представляется необоснованным, т.к. работа с потерпевшими от преступлений в контексте психологической и материальной поддержки — важное, а вероятно, даже ключевое направление развития уголовного правосудия, поскольку оно помогает эффективно решать ключевые задачи наказания — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1939.
2. *Букуру Ж.-Б., Солнцев А.М.* Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями // *Всеросс. криминологический журнал.* 2019. Т. 13. № 2. С. 332–339.
3. *Гусарова М.В.* Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // *Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России.* 2019. № 4 (38). С. 445.
4. *Елфимова Е.И.* Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // *Legal Concept.* 2013. № 2. С. 156, 157.
5. *Кибальник А.Г.* Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // *Всеросс. криминологический журнал.* 2019. Т. 13. № 2. С. 300–310.
6. *Кури Х., Ильченко О.Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2013. № 2 (26). С. 252, 253.
7. *Миняева Т.Ф., Добряков Д.А.* Наказание — не панацея от преступности // *Вестник Томского гос. ун-та.* 2017. № 425. С. 223, 225.
8. *Раушенбах М., Скалиа Д.* Потерпевшие и международная уголовная юстиция: больной вопрос? // *Международный журнал Красного Креста.* 2008. № 870. С. 333–336.
9. *Сидоров Б.В.* Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // *Вестник экономики, права и социологии.* 2016. № 4. С. 189.
10. *Смирнов А.М.* Уголовно-правовая безнаказанность преступного деяния: к постановке проблемы // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2018. № 2 (44). С. 55, 56.

11. *Jo H., Simmons B.* Can the International Criminal Court Deter Atrocity? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443–475.
12. *Kirk R.* The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/poverty-and-inequality/report/the-meaning-justice> (дата обращения: 27.11.2020).
13. *Larcom S., Sarr M., Willems T.* What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: <https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).
14. *Mutua M.* The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269–272.
15. *Roach S.* How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.
16. *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.
17. *Shamsi N.* The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85–104.
6. *Kuri H., Ilchenko O. Yu.* The effectiveness of punishment: results of international studies // Actual problems of economics and law. 2013. No. 2 (26). P. 252, 253 (in Russ.).
7. *Minyazeva T.F., Dobryakov D.A.* Punishment is not a panacea for crime // Herald of the Tomsk State University. 2017. No. 425. P. 223, 225 (in Russ.).
8. *Rauschenbach M., Scalia D.* Victims and international criminal justice: a sore point? // International Journal of the Red Cross. 2008. No. 870. P. 333–336 (in Russ.).
9. *Sidorov B.V.* The principle of justice: its place in the system of principles and norms of Criminal Law and issues of improving Criminal Law // Herald of Economics, Law and Sociology. 2016. No. 4. P. 189 (in Russ.).
10. *Smirnov A.M.* Criminal and legal impunity of a criminal act: towards the formulation of a problem // Legal science and law enforcement practice. 2018. No. 2 (44). P. 55, 56 (in Russ.).
11. *Jo H., Simmons B.* Can the International Criminal Court Deter Atrocity? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443–475.
12. *Kirk R.* The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/poverty-and-inequality/report/the-meaning-justice> (дата обращения: 27.11.2020).
13. *Larcom S., Sarr M., Willems T.* What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: <https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).
14. *Mutua M.* The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269–272.
15. *Roach S.* How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.
16. *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.
17. *Shamsi N.* The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85–104.

REFERENCES

1. *Beccaria Ch.* On crimes and punishments / transl. and intro. art. M.M. Isaev. M., 1939 (in Russ.).
2. *Bukuru Zh.-B., Solntsev A.M.* Questions of legitimacy of the International Criminal Court in its relations with African states in the field of combating international crimes // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 332–339 (in Russ.).
3. *Gusarova M.V.* Crimes of sexual orientation as a type of latent crime (factors of formation and ways of minimization) // Herald of Kazan Legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (38). P. 445 (in Russ.).
4. *Elfimova E.I.* Legal problems of combating domestic violence // Legal Concept. 2013. No. 2. P. 156, 157 (in Russ.).
5. *Kibalnik A.G.* Crime of aggression: deceived expectations of International Criminal Law // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 300–310 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОРАБЛЕВА Светлана Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; 119034 г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1

Authors' information

KORABLEVA Svetlana Yu. — PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University; 38, 1 bld. Ostozhenka str., 119034 Moscow, Russia